

Вспомнив, с какой жадностью Чжу Цзылин поглощал угощения на пиру, принцесса Аньпин поверила словам госпожи Ху еще на пару крупниц больше. Пусть юноша и не выглядел как жуткий голодный демон из старых сказок, само его поведение казалось в высшей степени странным. Обычный человек, оказавшись на приеме в столь высоком обществе, не стал бы отдавать всё свое внимание одной лишь еде.

Конечно, Аньпин не приняла слова мачехи на веру целиком, но подобный поворот событий был ей только на руку. Чжу Цзылин уже не раз заставлял её терять лицо перед гостями, и принцесса, затаив на него глубокую обиду, с радостью ухватилась за возможность отплатить ему той же монетой.

— Раз вы так уверены, что в ванфэй вселился злой дух, — обратилась она к собеседнице, — то почему бы не пустить этот слух в народ? Если вам удастся убедить остальных, то ваши сегодняшние выходки можно будет списать на наваждение. Скажете, что демон одурманил ваш разум, и на самом деле вы вовсе не помышляли ничего дурного. В противном случае, боюсь, вам больше никогда не удастся показаться на людях без стыда.

Юэсинь на мгновение замерла, пораженная этой мыслью. В её глазах вспыхнул огонек надежды.

— Ваше Высочество совершенно правы! — воскликнула она. — Я обязана сорвать маску с этого голодного демона! Пусть все знают, что он намеренно оклеветал меня, воспользовавшись черным колдовством!

Однако вскоре её пыл немного угас, сменившись сомнением.

— Но... — запнулась она, — не помешает ли это планам Его Высочества Юй-вана? И не разгневаются ли Император или князь Ли?

Ведь принц Юй желал переманить Чжу Цзылина на свою сторону. К тому же юноша был официально признанным супругом князя Ли по воле самого государя. Назови его демоном — и тень позора падет на всех причастных.

— Чего вы боитесь? — Аньпин бросила на женщину пренебрежительный взгляд. — Главное — не давать повода думать, будто слухи исходят от вас. Просто стойте на своем: мол, никогда и не думали о ванфэй плохо, а на пиру на вас нашло необъяснимое затмение. Остальное же пусть шепотом передают из уст в уста — так, чтобы никто не нашел конца ниточки. Ванфэй — лишь пустая ширма, Император и Жун Чжао не станут из-за него поднимать бурю. Нужно лишь действовать осторожно. Что же до второго брата, то не беспокойтесь: чем тяжелее будет положение Цзылина, тем легче его будет склонить на нашу сторону. Если вы всё сделаете правильно, Юй-ван только похвалит вас за службу.

Госпожа Ху почувствовала, как страх отступает, сменяясь решимостью. В благодарности она даже забыла о прежнем высокомерии принцессы.

— Благодарю за наставление, Ваше Высочество.

— Вернувшись домой, не забудьте слечь в постель, — напоследок бросила Аньпин. — Вид у вас должен быть такой, словно вас действительно измотал демон. И не спешите обвинять ванфэй в открытую — напротив, поначалу даже отзываетесь о нем мягко. Люди должны поверить, что в вашем сердце нет места подобной злобе, понимаете? Только так они убедятся, что вы стали жертвой чар и действовали вопреки своей воле. И лишь потом, постепенно, позволяйте слухам об одержимости расползаться по столице. Здесь нельзя торопиться.

Мачеха Цзылина, пораженная хитростью плана, поспешно закивала:

— Я всё поняла. Всё исполню именно так.

Она и впрямь была готова надеть глупостей в своей панике, но советы принцессы дали ей четкую опору. Покидая поместье Аньпин, она чувствовала себя куда увереннее. Всю дорогу она размышляла над деталями своего «исцеления». И хотя гнев мужа всё еще пугал её, теперь у неё хотя бы была надежда оправдаться.

Вернувшись домой, госпожа Ху приняла изможденный вид и немедленно велела послать за лекарем. Слуги, встревоженные её бледностью, бросились исполнять приказ. Как раз в то время, когда врач осматривал хозяйку, Чжу Жуйхун вернулся со службы из Министерства ритуалов.

— Супруга нездорова? Почему вызвали лекаря? — спросил он, хмурясь, входя в покои.

Увидев мужа, женщина похолодела от ужаса. Её лицо стало еще блее, а на лбу выступила испарина, что лишь добавило достоверности её «болезни».

— Мой господин... — с трудом проговорила она, — на пиру принцессы Аньпин я перенесла сильное потрясение... и лишилась чувств...

Брови Чжу Жуйхуна сошлись на переносице.

— Какое еще потрясение? Что могло случиться на цветочном пиру?

Юэсинь сжалась, но, набравшись духу, пролепетала:

— Я и сама не ведаю. Всё было хорошо, я представляла ванфэй знатым дамам, как вдруг... словно наваждение какое-то нашло. Я начала нести несусветную чепуху и вмиг потеряла

сознание...

— Что?! — услышав имя Чжу Цзылина, министр почувствовал неладное. Он резко оборвал жену: — Что ты натворила? О каких речах идет речь?

Видя его ярость, она поспешила придать своему голосу скорбные нотки:

— Я всего лишь хотела поговорить с ванфэй, но словно злой дух вселился в меня... Я... я наговорила ему дерзостей... — Она залилась слезами. — Клянусь, это были не мои мысли! Кто-то явно наложил на меня заклятье!

Чжу Жуйхун, теряя терпение, рявкнул:

— Что именно ты сказала?!

Запнувшись и всхлипывая, она выдавила:

— Я... я представляла его гостям, хвалила его, но ванфэй почему-то решил, что я желаю ему зла. Я хотела объясниться, но тут меня точно бесы попутали, и я начала говорить... о том, как хочу помешать его будущему...

Когда она закончила свой сбивчивый рассказ, лицо министра стало чернее тучи.

— И это слышали другие?

— Я... я не знаю точно, — пробормотала она, опуская глаза. — Как только эта дьявольщина закончилась, я сразу упала без памяти...

— Скрытничать сейчас бесполезно! — вскипел Чжу Жуйхун. — Ты уже навлекла на нас беду, так хотя бы теперь говори правду! Ты хочешь, чтобы завтра мои коллеги по ведомству подняли меня на смех, а я даже не знал бы почему?!

Госпоже Ху ничего не оставалось, кроме как признаться во всём. Пусть она и пыталась обелить себя, оправдываясь наваждением, суть сказанного ею и присутствие множества свидетелей скрывать было уже нельзя.

— Хоть я и была в забытии... рядом со мной находилось несколько титулованных дам... Боюсь, весть об этом уже разлетелась... — прошептала она, дрожа всем телом.

Министр почувствовал, как у него темнеет в глазах. Он и представить не мог, что супруга способна на такую вопиющую глупость. Одно дело — тихие козни в стенах дома, к которым он

привык относиться снисходительно, пока они не мешали его покою. Но выставить себя злобной мачехой на глазах у всей столицы, да еще и оскорбить человека в статусе ванфэй... Это было за гранью его понимания.

Чжу Жуйхун не верил ни в какое «колдовство». Пусть его сын и был непутевым, из-за чего отец почти не занимался им, он прекрасно знал, как его супруга относится к пасынку. Те «безумные» речи наверняка отражали её истинные намерения куда точнее, чем льстивые слова. Он ничуть не удивился бы, узнай он, что Ху Юэсинь и впрямь собиралась помешать Чжу Цзылину сдавать экзамены, если бы тот остался в поместье. Просто раньше она действовала осторожно, не допуская скандалов, и он предпочитал закрывать на это глаза. Но то, что она потеряла над собой контроль в присутствии стольких свидетелей, приводило его в бешенство.

Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, и уставился на жену взглядом, полным ледяной ярости:

— Есть ли у тебя хоть капля разума в голове?! Сказать такое при всех... О чем ты только думала?! Или тебе не дает покоя мысль о том, что через пару лет я могу войти в Великий секретариат? Решила нарочно поставить мне подножку?!

Чжу Жуйхун, будучи главой Министерства ритуалов и находясь в самом расцвете сил, верил, что его вхождение в круг высшей власти — лишь вопрос времени. Он годами бережно возвращал свой авторитет, избегая любых пятен на имени, и вот теперь его собственная жена устроила скандал, который мог перечеркнуть всё.

Стоило этой истории разойтись, как женщину немедленно заклеят как бессердечную мачеху. А ведь Чжу Цзылин теперь не просто пасынок, он — супруг князя Ли. Любой враг министра в совете сможет раздуть это дело до «покушения на честь ванфэй», и хотя обвинение будет шатким, репутационный урон окажется непоправимым. Желающих занять место в Секретариате было предостаточно, и такой промах мог отложить его повышение на долгие годы.

— Мой господин, как вы можете так говорить! — в слезах вскричала госпожа Ху. — Разве я могла сделать это намеренно? Какая мне в этом выгода, кроме позора для всей семьи? Неужели вы и впрямь считаете меня столь скудоумной? Меня действительно что-то околдовало... А вы... вы так плохо обо мне думаете...

В её голосе слышалась такая неподдельная горечь, что она и впрямь походила на жертву темных сил. Муж лишь холодно хмыкнул. Он понимал, что осознанно она бы так не поступила, но сама мысль о том, какой ущерб нанесен его карьере, требовала выхода для гнева. Однако в словах жены было рациональное зерно: версия с одержимостью была единственным способом спасти остатки чести.

Понемногу остывая, министр всё же оставался ледяным. Не проронив ни слова утешения, он подозвал управляющего:

— Завтра же пригласите в дом мастеров-экзорцистов, пусть проведут обряд очищения над госпожой.

Правда это или нет, но для внешнего мира госпожа Ху должна была оставаться жертвой злых чар. Повернувшись к жене, он добавил суровым тоном:

— А вы, супруга, в ближайшее время и носа из поместья не высунете. Будете молиться и соблюдать пост.

С этими словами он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью. Разумеется, о разводе не могло быть и речи — сказанное на словах не было преступлением, за которое полагалось изгонять жену, к тому же она была матерью его единственного наследника и дочерью графа Сяовэня. Но её промах заставил его чувствовать себя так, словно его вываляли в грязи.

Поместью министра Чжу было суждено стать главной темой для сплетен на ближайшие недели. Чжу Жуйхун с содроганием представлял, как его недоброжелатели будут упражняться в остроумии на его счет. В это же время госпожа Ху ощутила некоторое облегчение — гнев мужа оказался не столь разрушительным, как она опасалась. Домашний арест под предлогом болезни идеально вписывался в её планы: она сможет спокойно готовить почву для слухов о «голодном демоне» Чжу Цзылине.

Пока по столице ползли слухи о её жестосердии, Юй-ван в своих покоях лишь снисходительно усмехался:

— Супруга министра Чжу оказалась на редкость бесполезной женщиной. Вместо того чтобы втереться в доверие, она устроила цирк.

Его советник почтительно заметил:

— Она и прежде не ладила с ванфэй, так что её срыв неудивителен. Впрочем, мы и не возлагали на неё больших надежд. Ваше Высочество прозорливо решили использовать её лишь как искру для раздора между Чжу Цзылином и князем Ли. Настоящую же работу по привлечению ванфэй на нашу сторону должны делать другие люди, не связанные с его мачехой.

Принц довольно кивнул, но вскоре нахмурился:

— Однако и другие наши люди пока не добились успеха... Неужто Чжу Цзылин и впрямь нашел жизнь в поместье четвертого брата сносной?

Советник на мгновение замялся.

— Возможно... Жун Чжао запугал его? И бедному юноше приходится притворяться? Или он

просто слишком горделив и не хочет признавать своего положения перед чужаками? Зная нрав князя Ли, долго Цзылин не протянет. Нужно лишь продолжать нашу игру, и вскоре плод сам упадет к нам в руки.

Юй-ван задумчиво прихлебнул чай.

— Ты прав. Аньпин передала, что госпожа Ху пустит слух об одержимости Цзылина. Когда Жун Чжао услышит, что его супруг — голодный демон, он, независимо от того, поверит или нет, устроит ему веселую жизнь. Тогда-то ванфэй и сломается окончательно. Позаботься, чтобы наши люди помогли этому слуху окрепнуть. Чем глубже будет его отчаяние, тем охотнее он примет мою помощь и тем преданнее станет.

***

Чжу Цзылин и не подозревал, какие сети плетутся вокруг него. Последние два дня он был само очарование по отношению к Жун Чжао. Юноша даже на время перестал приносить мужу свои «инструкции» по редким продуктам, дабы тот не почувствовал себя простым инструментом для добычи еды. Однако, к его удивлению, на этот раз помощь потребовалась самому князю.

— Сладости, что готовит ванфэй... хоть я и нахожу их посредственными, — бесстрастно начал Жун Чжао, — кажется, пришлись многим по вкусу. Они необычны, и их продажа могла бы принести плоды. У ванфэй есть несколько лавок — что вы скажете на то, чтобы открыть в одной из них кондитерскую?

Цзылин изумленно моргнул. Он не ожидал, что князь заговорит о бизнесе.

— Но те лавки... разве там не торгуют тканями, обувью и книгами? Вы хотите продавать там сладости?

Жун Чжао на миг замялся, но его лицо осталось каменным:

— Прежние дела в поместье Чжу шли из рук вон плохо, а теперь там сменились все люди. Старые связи разорваны, так что лучше начать всё с чистого листа.

Хозяин поместья дипломатично умолчал о том, что покупатели разбежались, завидев его людей.

— Если ванфэй считает это неуместным, я могу отозвать своих людей, и вы сами займетесь управлением.

Чжу Цзылин поспешно замотал головой:

— Нет-нет, пусть будет так. Открывайте заново, я доверяю вашему решению.

Чем меньше связей оставалось с поместьем отца, тем лучше он себя чувствовал. При этих словах взгляд князя заметно смягчился.

— Значит, открываем кондитерскую? — уточнил он. — Быть может, вы сами желаете присматривать за делом? Постоянное пребывание в четырех стенах ванфу может наскучить.

Жун Чжао предположил, что юноша не зря привел в дом кормилицу — должно быть, он планировал поручить ей свои дела.

— Конечно, если вы не хотите обременять себя, можете просто передать рецепты поварам, — добавил князь. — Остальным займутся мои люди. За управление я буду брать лишь одну десятую часть прибыли.

— Что?! — Чжу Цзылин округлил глаза от изумления. — Всего одну десятую?

Ему даже стало неловко. Пусть лавки и рецепты принадлежали ему, но вся работа ложилась на плечи Жун Чжао. Получать девяносто процентов прибыли, не ударив пальцем о палец, было верхом наглости. Любой другой на его месте немедленно согласился бы, но Цзылин насторожился: не очередное ли это испытание? Если он с радостью примет такие условия, муж решит, что он корыстен и видит в нем лишь бесплатную рабочую силу.

Для сохранения своего «источника пропитания» нужно было действовать тоньше.

— Чтобы кондитерская процветала, рецепты должны храниться в строжайшей тайне, — рассудительно произнес он. — Если я возьмусь за это сам и найму людей со стороны, секреты быстро утекут. Лучше, если делом будут заправлять ваши люди, это надежнее. Я же могу придумывать новые рецепты и давать советы. Но девять десятых — это слишком много. Давайте делить поровну?

Жун Чжао удивленно вскинул бровь:

— Разве ванфэй не выгодно получать больше?

Выгодно-то оно выгодно, но бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Цзылин хорошо понимал, что долгосрочное расположение князя куда ценнее сиюминутной прибыли.

— Если я заберу почти всё, то это будет означать, что я бессовестно пользуюсь вашей добротой, — искренне ответил юноша. — Я скорее позволю вам извлечь выгоду из моих талантов, чем сам стану наживаться на вас!

Князь какое-то время молча смотрел на него, а затем произнес:

— Мне не важны эти крохи. Раз ванфэй готов участвовать, вся прибыль от лавки будет принадлежать вам. Я предоставлю управляющего и лавочников, а вы сами будете выплачивать им жалованье — так вы не будете чувствовать себя должником.

— Правда? — Цзылин склонил голову набок, с недоверием глядя на мужа.

«Не ищет ли он повод, чтобы лишить меня возможности приходить к нему на обед?»

Выходило, что теперь он в еще большем выигрыше. Жун Чжао вообще отказывался от своей доли! Что же до жалованья слугам — без приказа князя такие надежные люди к нему и на порог бы не пошли. Неужто Жун Чжао и впрямь говорит это от чистого сердца, а не ради проверки? Юноша не любил лишних сложностей, но когда дело касалось его будущего благополучия, он становился предельно осторожным.

— Почему вы так настойчиво пытаетесь отдать мне все деньги?

Юноша прищурился и с несвойственной ему твердостью отчеканил:

— Когда лавка начнет приносить доход, я всё равно буду отдавать вам половину. И точка.

Жун Чжао отвел взгляд, стараясь не смотреть в его сияющие глаза.

— Как пожелаете.

Когда вопрос с кондитерской был решен, Фан Цзянь, узнав о деталях, обеспокоенно спросил:

— Ваше Высочество, вы действительно хотите открыть лавку под именем ванфэй? Не лучше ли придумать какое-то иное прикрытие?

— Зачем? — холодно отозвался Жун Чжао. — Это его рецепты, пусть его имя и стоит на вывеске.

— Но... дурная слава нашего поместья... Вдруг люди побоятся заходить? Если дело прогорит, ванфэй будет глубоко разочарован.

Князь промолчал. Мысль о том, чтобы выдать творения супруга за чужие, претила ему. Но опасения советника были не лишены смысла: если в лавке будет пусто... Перед глазами Жун Чжао возник образ Чжу Цзылина, чьи радостные глаза гаснут от печали. Он нахмурился.

— Лавка будет открыта от имени ванфэй, — твердо повторил он после недолгого раздумья. — А когда придет время открытия, подготовь людей. Пусть идут туда и скупают все сладости.

Фан Цзянь на мгновение лишился дара речи:

— Вы хотите... нанять подставных покупателей?

<http://bllate.org/book/15829/1437069>